

какой-либо рассказ, предназначенный для «Голубой книги», был ему дорог, но не обладал достаточной степенью оптимизма, З. его соответствующим образом редактировал — убирал отдельные, «компрометирующие» концовки и т. п. Рассказам 1920-х, включенным в книгу, в т. ч. и самым знаменитым, которые вся страна знала чуть ли не наизусть, особенно в этом отношении не повезло. «Голубую книгу» он считал своей победой (примерно так же отнеслась к ней и критика), но на самом деле это можно было считать поражением. Одновременно с «Голубой книгой» З. писал повести: «**История одной жизни**», «**Черный принц**», «**Керенский**», «**Шестая повесть Белкина**», «**Возмездие**», «**Тарас Шевченко**». Это была хорошая, добротная беллетристика, свидетельствующая о новых гранях таланта писателя, но большого читательского успеха они З. не принесли. Параллельно с «Голубой книгой» и названными произведениями писатель работал над повестями «**Возвращенная молодость**» и «**Перед восходом солнца**». Они внутренне тесно связаны с «Голубой книгой». Писатель, страдавший издавна, едва ли не с юности, душевным разладом, приводившим к длительным депрессиям, меланхолии и отчаянию, решил сублимировать свою боль в исповедально-отстраненное слово и таким образом освободиться от нее. Он внимательно прослеживает истоки своего недуга, спускаясь постепенно к началу жизни, к душевным травмам в младенчестве. Здесь он опирался на учение И. П. Павлова, который, кстати, высоко оценил «Возвращенную молодость», а также на З. Фрейда. Как показывают дневниковые записи, З. с юности интересовался соч. Фр. Ницше, особенно учением о «сильном человеке», о примате воли, его ожесточенной борьбой с собственной болезнью; именно последнее обстоятельство было, по-видимому, наиболее близким и привлекательным для З. Повесть «Перед восходом солнца» он опубликовал во время Великой Отечественной войны, полагая, что культ разума и человечности, пронизывающий произведение, особенно необходим воюющему народу. Однако партийная печать резко осудила повесть, увидев в ней мелочное самокопание в тайниках души и отстраненность от современности. Повесть была опубликована под названием «**Повесть о разуме**» много лет спустя (1972), уже после смерти писателя. Резкая критика повести была лишь началом яростной травли художника. В 1946 в известном постановлении ЦК ВКП(б) «О журналах „Звезда“ и „Ленин-

град“» он был назван пошляком и врагом советской лит-ры.

З. писал не только прозу, он — автор около двух десятков пьес: «**Уважаемый товарищ**» (1930), «**Преступление и наказание**» (1933), «**Опавшие листья**» (1941), «**Под липами Берлина**» (совместно с Е. Шварцем, 1941), «**Солдатское счастье**» (1942), «**Пусть неудачник плачет**» (1943), «**Парусиновый портфель**» (1944), «**Очень приятно**» (1945). Ему принадлежат также переводы: «За спичками» и «Воскресший из мертвых» М. Лассилы, «От Карелии до Карпат» А. Тимонена, «Повесть о колхозном плотнике Саж» М. Цагарева.

Лучшая часть обширного наследия З., в особенности его юмористическая и сатирическая новеллистика, принадлежит к лит. классике.

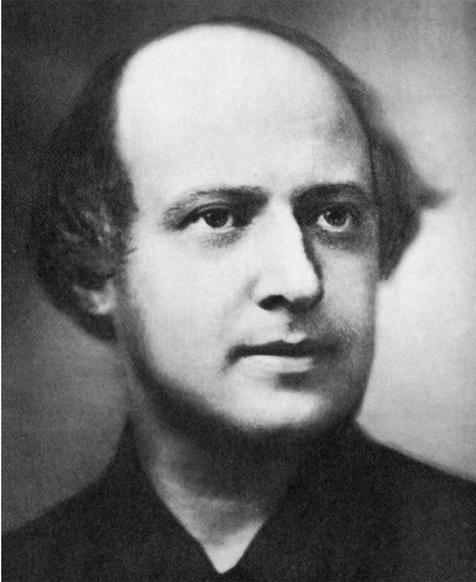
Соч.: СС: Т. 1–6. М., 1929–31; Письма к писателю. Л., 1929; Рассказы, фельетоны, повести. М., 1958; Рассказы, фельетоны, комедии: Неизданные произведения. Л., 1963; Соч.: в 3 т. Л., 1986–87; Лицо и маска Михаила Зощенко / сост. и публ. Ю. В. Томашевского. М., 1994; Избранное. М., 1998; СС: в 4 т. М., 2002.

Лит.: Михаил Зощенко: Статьи и материалы. Л., 1928; Ершов Л. Из истории советской сатиры: М. Зощенко и сатирическая проза 20–40-х гг. Л., 1973; Молдавский Дм. Михаил Зощенко: Очерк творчества. Л., 1977; Старков А. Юмор Зощенко. М., 1974; Чудакова М. Поэтика Михаила Зощенко. М., 1979; Сарнов Б. Пришествие капитана Лебядкина (Случай Зощенко). М., 1993; Михаил Зощенко: Материалы к творческой биографии. Кн. 1–3. СПб., 1997–2002.

А. И. Павловский

ЗУБАКИН Борис Михайлович [19.4(2.5).1894, Петербург — 3.2.1938, Москва] — поэт, историк культуры, философ, скульптор.

Из дворян. Отец — полковник Генерально-го штаба (в годы Октября — военспец), предки матери — выходцы из Шотландии (XVIII в., род Эдвардов). Высокоодаренный с детства, З. поступил сразу в 5-й класс 12-й петербургской гимназии (1902). С 14 лет читал собственные науч. доклады, надеясь стать «профессором истории». В детстве испытал сильное впечатление, узнав, что род Эдвардов некогда дал мистиков-рыцарей и «водителей Духа». Окончив гимназию (1912), З. отказывается от поступления в ун-т: годом раньше он и однокашник, будущий философ В. Н. Волошинов, создают масонскую ложу «Свет звезд», изучают книги по оккультизму, устраивают моления. Д. С. Мережковский и Д. В. Filosoфов приглашают З. на собрание Религиозно-фило-

Б. М. Зубакин

софского общества. Ложа З. вливается в ложу розенкрейцеров (1912), сам З. отходит от масонов. Но романтико-мистическое мировоззрение навсегда определило кодекс жизнеповедения З., усвоение и искреннюю интерпретацию им краеугольных тезисов розенкрейцеров. Приобщение к тайнознанию о бытии — фундаментальное условие понимания З. природы человека: «люди полны насковью мировым светом»; человек «во всех ситуациях поновому божествен и неожиданно победен, неповторим и оправдывает собою все Бытие». От такого ощущения бытия в восприятии З. протягивались лучи к Евангельскому учению — необходимой опоре индивидуального пути. Следование высоким принципам даст творчеству З.-литератора надмирно-парящую, объединительную философско-поэтическую доминанту. «Я живу благодарностью — за то, что жил, я не ищу Вечности, потому что уже дышал ею...» — попытается З. внушить Горькому один из своих базисных постулатов, кренящихся к всепрощению.

В годы Первой мировой войны З. оканчивает школу прапорщиков, служит в саперном батальоне в Невеле. Революция 1917 «ошеломила» З. установлением «свободы религии», и вскоре на хуторе Затыше близ Невеля появляется община единомышленников-философов, поэтов, где пребывает З., найдя спасающий от голода «интимный уголок» для «молитв и художественно-творимой жизни».

«При всех пертурбациях» революций и войны З. работал над книгой **«Опыт фи-**

лософии религии как антиципации целей культуры», развивая идеи предвосхищения «религиозным творчеством» итогов «отдаленных», эволюционное совпадение религий «с творчеством художественным». В 1919–20 З. сдает экзамен по истории искусств и археологии на философском ф-те Московского археологического ин-та (МАИ), получает ученую степень за две ранние науч. работы и становится профессором, 3 года (1920–22) с блеском читает курсы лекций по сравнительной истории первобытных культов в аудиториях Москвы, Смоленска, Витебска. МАИ планирует поездку З. в отделение ин-та в Италии, открытие нового отделения в Египте с назначением З. его проректором. Став «мобилизованным лектором» Политотдела Западной армии, З. пытается возобновить розенкрейцеровскую ложу. Услышав его философско-исторические лекции, С. Эйзенштейн воспринял З. как «совершенно необыкновенное» лицо — странствующего архиепископа ордена Рыцарей Духа, знания которого «прямо безграничны», а излагаемые им учения «удивительно захватывающие» (1920). Талантом лектора-энциклопедиста будет навсегда покорена А. И. Цветаева, ставшая секретарем ложи З. Патриарх Тихон, оценив желание даровитого З. синтезировать «веру и разум», благословит его на чтение лекции-проповеди в действующем храме (1921). Но осенью 1922 происходит изгнание из России идеалистически настроенных философов, писателей, подвергнут аресту и З. Слова З. в материалах следствия: «Частный сектантский религиозный кружок мистиков „LA“ (т. е. „Lux Astralis“ — „Свет звезд“ — А. Г.) есть дело частное», — шли вразрез с властными директивами. Факт скорого — через месяц — освобождения известного всей Москве лектора З. из заточения тут же породил слух о том, что якобы З. с Брюсовым создали «в соответствующем учреждении застенки для ловли „идеалистов-мистиков“». Оскорбленный этой клеветой, З. тяжело переживает травлю, совпавшую с волной политических преследований печати: в 1923 в закрытом изд-ве Гржебина погибает 1-й том его книги по истории религии и большое исследование о философах-иррационалистах.

Первое вхождение З. в лит-ру относится к 1909–13, когда в кружковой петербургской среде читались его тетрадки с философски-романтической лирикой, лишь в извлечениях поощаженной временем («**Баллада**», 1914). Очевидный импульс романтика никогда не угаснет в творчестве З., дав далее произведение разнообразной тематики: то ове-

янные дыханием Евангельского Востока («Идут волхвы из дальних стран...», 1924), то японской поэзии («Инаме сан», 1926), то европейски-стилизированные («Мэри-Анна» (1924), «Ватерлоо» (1926), то стихи по мотивам русской истории XIX в.— «Усадьба» [1925], то воссоединяющие Скифию, Древнюю Русь и современность («Курганная мать», «Вечная Русь» [1926]). Уже в 1913 З. был принят в «Синдикат писателей», «Общество поэтов». Он начинал печататься (видимо, под псевдонимами), но подлинное творческое возвращение к поэзии состоялось лишь в начале 1920-х. Изначально вкусы З. формировала классика, и в его творчестве 1920–30-х возникнут блики-отражения поэзии Гомера, кельтского эпоса, былин о Микуле, «Слова о полку Игореве», античной лирики, поэзии Гете, Ф. Мистрала, Пушкина, Есенина. Для него Державин, Баратынский, Брюсов, Блок — «баяны скифских руссов». З. еще в 1910-е был озабочен достижением музыкальности поэтических произведений и проблемой чередования стихотворных рядов с прозаическими рефренами. В советское время он заявил о себе как виртуоз образных решений, увлеченный «реформированием формы», введением «музыкального лада» в «напевный стих». В начале 1920-х одну рукопись З. передаст в Госиздат С. Городецкий, другую предложит напечатать председатель Союза поэтов В. Брюсов. З. создает первую редакцию Декларации московского Цеха поэтов, и ее подпишут С. Заяицкий, Б. Пастернак, А. Ширяевец, С. Городецкий. Одновременно в публичных выступлениях раскроется неповторимо сверкнувший талант З.— поэта-импровизатора. Среди его благодарных слушателей — М. Пришвин, М. Булгаков, К. Чуковский. Впрочем, если одни объявляют З. гением, другие всерьез объясняют его дар следствием «пакта с дьяволом». Уставая от недоброжелателей и суровости эпохи, З. хочет «забыть, что <...> был ученым», но вопреки всему диктует друзьям обширный труд «**О вневременном восприятии действительности**» (для этого А. Цветаева изучит стенографию), серию статей по истории искусства, книгу о Блоке, исследования о Дон Гуане Пушкина. Обеспокоенный однобокостью титула «поэт-импровизатор», З. показывает высокую поэтическую производительность писателя. К 1927, когда возникает его эпистолярная проза (письма к Горькому, насыщенные фактографией русской худож. жизни, изумляющие глубиной лит. характеристик), им написаны несколько пьес в стихах («Прометей»,

«Мерлин», «Пигмалион», «Белая лошадь»), поэмы «Бетховен», «Пушкин», десятки стих., начат роман в стихах о Гражданской войне в России и судьбах искусства в революции «Иллария». Стихи З. переводят на немецкий яз., их разбирают в учебниках поэтики, любимую Есениным «Камаринскую» поют в тверской деревне. На вдохновенные письма З. Горький откликается восторженными словами: «Вы, сударь, изумительно талантливый человек, и по-русски безумно талантливый, думается, даже. Вы на границе гениальности». З. просит Горького содействовать в публикации стихов, но даже встреча в Сорренто не помогла продвижению их в печать, выявив глубокое расхождение мировоззрений былого «буревестника» и философа-мистика.

В 1929 З. удается выпустить единственный прижизненный сб. стих. «**Медведь на бульваре**», но он увидит его лишь в архангельской ссылке. Трагическая нота пройдет сквозь мн. произведения З., помещенные в книгу, однако более полно идеи и настроения З.-поэта отражены лишь в публикациях 1992–2004, несмотря на гибель мн. произведений. В творчестве З. сплетены темы восхищения миром, желания слиянности с ним и жажда личностного самосохранения, отвечающие философии поэта: «Всё, всё в свое дыханье уместить / Собой наполнить и одушевить / И, не теряя лика,— раствориться!» («**Сюита Z**», 1924–28). Поэт сознает себя двойником Прометея, вставившим все «падения иль победы» живых существ, и чуждается испрашивания милостыни — «горсточка веков» — именно для себя «пред ликом суетных богов» («**Мне ребра обтянули нити...**», 1928). Для З. аксиоматична всечеловеческая воссоединенность, и она пронизывает историческими ассоциациями бытовые совр. московские сцены («**Москва**», 1923). Философия поэта приемлет неустанную обратимость жизнетворения: «с землей — таинственный союз: / Пусть в землю возвратится тело — / Ее прозябшее зерно! / Земля себя не пожалела, / Когда рождалось оно!» (1922). Вечная жизнеспорождающая мощь Родины, слитно несущей в себе силы народной языческой стихии и христианское начало, с большой экспрессией выявлена в стих. «**Курганная мать**»: «скудному немчику» не дано повелевать землей «ледяного Сфинкса» — Россией. А в «**Василии Блаженном**», возникшем как мастерское преобразование иконных персонажей и самого сюжета о Георгии Победоносце в чудо-храм древней Москвы, автор горделиво констатирует победительность

русского оружия, мировую высоту и самодостаточность староотеческой культуры: «И поутру зарей омыты / Его былинные шатры, / И так ненужны и забыты / Чужие „Марко“ и „Петры“» (1926).

Эпоха 1920-х для З. — пора неустоявшегося, не всегда настраивающего на оптимизм и все-таки богатого надеждами общего движения: «Еще не встал у брега Мир, / Еще плывут панели мимо / Все те же тени — пилигримы... / Но Мир — он тронулся уже...» Призвание поэта осознается как служение этому Миру: «И в этот час, когда еще — / Ни день, ни ночь, — / Я дом покинул / И петь счастливый жребий вынул, / Поднявши лиру на плечо» (1926). З. трезво оценивает трагические контрасты мира, и его лирический герой, жаждущий подлинной любви, сегодня переживает неразделенность чувства, завтра упоен нисходящим к нему обещанием, мечется в тоске и неприкаянности, наблюдая обыденный драматизм столичной жизни, о чем он говорит и в сб. «Медведь на бульваре», и в стих., связанных с неожиданным опытом узника: «**На улице, на улице Тверской**» (1923), «**В тюрьме — одна дорога...**» (1923), «**Песня**» («Молчи, мое сердце молчи, / Мы сами себе палачи...», 1926), «**Термы**» (1927). В 1929 он скорбно удостоверится: «И всю Россию движут снова, / Кружат два вихря, два крыла — / Метели судьб — вокруг Пугачева / И — исходящего стола». Еще ранее в стихах «**К Офелии**», посвященных жене — актрисе Е. Ильинской, З. выразит предчувствие надвигающейся новой личной беды. Возникшая в условиях неутомимого экспериментаторства всевозможных направлений, школ, групп поэзия З. отдала дань современательному воплощению поисков оригинальной формы. Музыкальный ее строй, сочетающийся с «закадровыми» голосами — прозаическими перебивками, сменой ритмов, присутствует в «сюитах» и песенных опытах поэта, где слышится звучание «жесточкого романа», народной лирики, маршей, гимнов, уличных выкриков.

Ссылка на Север, угаданная З. в целой серии его стих., не могла отрешить З. ни от искусства, ни от науки. Находясь в Архангельске и Холмогорах, он занят воскрешением традиционного косторезного мастерства подвергнутых опале «кулаков», выпускает книгу о редкостном худож. промысле (1931), изучает и описывает деревянную архитектуру. Благодаря археологическим поискам на бывшей усадьбе Ломоносовых передает краеведческому музею две подводы предметов поморской старины. Завершает с историком

И. М. Сибирцевым не дошедшую до нас монографию «**Новое и забытое о Ломоносове**». Записав фамильное предание, публикует уникальные сведения о последнем периоде жизни Пушкина. Печатает статьи о волнующей поэта красоте архангелогородского диалекта. Преодолевая запрет на писание стихов, прибегает к устным импровизациям и эпистолярным припискам, изысканными ассоциативными ресурсами раскрывает повторяемость драматизма судеб поэтов далеких эпох: «Сослав его под этот небосклон, / На берега, где ветер смерти веет, / Не ведали они, что Аполлон / Был из страны гипербореев»; «Печалеречивый Овидий, / Сравнявшись с тобою в судьбе, / Как часто в жестокой обиде / Взыскуют поэты к тебе». В 1931–32 З. переписывается с очутившимся в вологодской ссылке В. А. Пястом, помогая тому выжить и продолжив поэтическую деятельность. З. щедро делится аналитическими озарениями, размышлениями о фактах и генеральных законах поэтического творчества, что возводит эти письма в ранг лит. памятника.

Отбыв срок наказания, З., лишенный права проживать в столице, кочует по маршруту Архангельск–Москва–Смоленск. Он работает в архангельском Союзе художников, возобновив занятия скульптурой (натурный портрет В. Я. Брюсова, 1923), исполняет заказы на изображения классиков литературы и музыки (Ломоносов, Пушкин, Лермонтов, Некрасов, Бетховен) и тружеников-северян. Среди его лит. публикаций мелькнуло стих. о Гражданской войне, им довершен в манере автора роман Брюсова «Юпитер поверженный». Летом 1936, тревожно пережив смерть Горького и слухи о ней, З. спешит передать письма из Сорренто в руки писателя А. К. Виноградова. В сент. 1937 он вновь арестован, реэтапирован в Москву. Предъявленное ему обвинение в руководстве «мистической фашистской и повстанческой организацией масонского направления» подводит черту под жизненным путем поэта.

Соч.: Борис Пильняк // Россия. 1923. № 5; Медведь на бульваре. М., 1929; Холмогорская резьба по кости. Вологда, 1931; Холмогорский говор // Звезда Севера. 1934. № 3; Словесные россыпи северного говора // Звезда Севера. 1934. № 7; Возвращение эскадрона // Звезда Севера. 1934. № 8; Художник Севера. [С. Г. Писахов] // Звезда Севера. 1934. № 10; Пушкин и Архангельск [Из книги «Новое и забытое о Пушкине»] // Звезда Севера. 1934. № 11; Архангелогородский язык // Звезда Севера. 1935. № 5; Стихи и письма // Новый мир. 1992. № 7; Стихи // Москва. 1993. № 1; [3 письма В. А. Пясту] // Филол. записки. Воронеж. 1994. № 3.

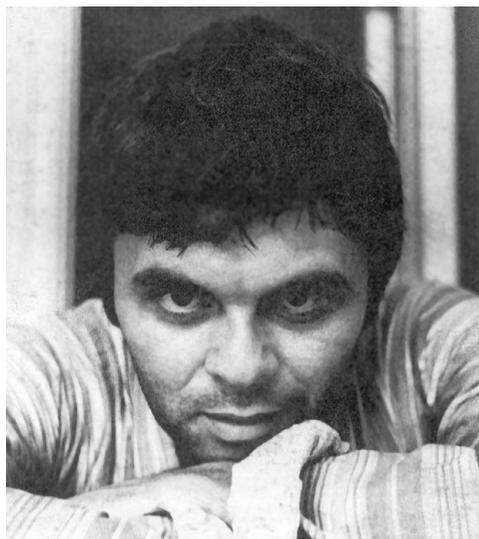
Лит.: Смолин Вл. Б. Зубакин. Медведь на бульваре: [рец.] // На лит. посту. 1929. № 20; Пяст В. Совр. стиховедение. Ритмика. М., 1931; Горький — Б. Л. Пастернак // ЛН. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963; Белый А. Начало века. М., 1990; Немировский А. И. Разбитый сосуд // Новый мир. 1992. № 7; Пришвин М. М. Дневник. 1920, 1921, 1922. М., 1995; Немировский А. И., Уколова В. И. Свет звезд, или Последний русский розенкрейцер. М., 1994; Никитин А. Л. Мистический орден в культурной жизни советской России // Russian Studies. СПб., 1995. № 1(4); Косухин С. Я. Человечище изумительно талантливей // Двина. 2004. № 4.

А. А. Горелов

ЗУЛЬФИКАРОВ Тимур Касимович [17.8. 1936, Душанбе] — поэт, прозаик, драматург.

Отец — таджик, был народным комиссаром в Бухаре, в 1937 подвергся гос. террору; мать — русская, профессор языкознания. С 1956 в течение двух лет З. учился на фило-софском ф-те ЛГУ. Окончил Лит. ин-т им. М. Горького. С 1962 — сценарист на киностудии «Таджикфильм». Член СП России. Был членом редколлегии ж. «Советская ли-тра». Член общественного совета ж. «Звезда Востока», редсовета ж. «Юность». Лауреат английской премии «Коллетс» за «Лучший роман Европы — 1993». В 2000 номинирован на Нобелевскую премию в области ли-тры. Живет в Москве.

Печатался в газ. «Завтра», в ж. «Москов-ский вестник», «Аврора», «Арион», «Моск-ва», «Юность», «Знамя». Пишет с 1961. О собственном творчестве З. говорит как об «иконе в слове», указывая на единение слова и живописного знака в своих творениях и опре-деляя принадлежность своего творчества по языку — русской культуре, а по методу — культуре православной. На Западе З. назы-вают «Данте современной русской литерату-ры». Ряд критиков высказывает убеждение (поддерживаемое и самим З.) о том, что З. яв-ляется третьим реформатором русской по-эзии после Пушкина и Хлебникова. Приори-теты З. в сфере высокого искусства были опре-делены с ранних лет: Леонардо да Винчи, Бах, Данте, Шекспир, Хафиз, Саади, Толстой. Настольной книгой стал Толковый словарь В. И. Даля. Началом своего творчества сам З. считает «Смерть Амира Тимура» (1971) — произведение лиро-эпического ха-рактера. Первые сб. — «Две легенды о любви» (1980) и «Поэмы странствий» (1980). Книга «Поэмы странствий» была вы-соко оценена Л. Озеровым, который объяс-няет кажущуюся необычность того обстоя-

Т. К. Зулфикаров

тельства, что проза, в данной книге представ-ленная четырьмя повестями, в заглавии полу-чает статус «поэмы»: «Художник работает на стыке жанров и видов литературы, решая ча-стую сложную пограничные конфликты, возникающие между прозой и стихами...» Более того, «в манере автора схлестнулись» не только стихии поэзии и прозы, но и «сти-хия кино (она в умении „монтировать кад-ры“), стихия музыки, стихия живописи» (Озе-ров Л. — С. 6–7). Корни творчества З. лежат в широком спектре разновременных лит. яв-лений: русские былины, персидская поэтиче-ская классика, «Песнь песней», поэзия Вели-мира Хлебникова и Андрея Белого. Одна из повестей, представленных в книге, рассказы-вает о детстве народного таджикского мудре-ца и поэта, жившего в XVI в., — Мушфики; две другие посвящены легендарному Ходже На-среддину (З. разрушает здесь устоявшийся стереотип восприятия мифологического об-раза веселого остролиста: его Насреддин становится героем нового фольклора — печальным суфийским мудрецом); последняя повесть воссоздает образ реального истори-ческого лица — великого ученого и поэта Омара Хайяма.

Эти же произведения, а также ряд новых соч. автора («Поэма о князе Михаиле Черниговском», «Таттабубу», «Абхаз-ская баллада») соединились в сб. «Муд-рецы, цари, поэты» (1983). П. Мовчан в послесл. к этой книге указал на то обстоя-тельство, что герои З. — «люди, в судьбах ко-торых обозначены главные, переломные мо-менты: встреча-разлука, странствие-возвра-